

ОППОНЕНТАМЪ ЕВРАЗІЙСТВА

(Письмо въ редакцію Я. Д. Садовскаго)

М. Г.

Разрѣшите обратиться къ Вамъ съ нижеслѣдующимъ.

Я евразіецъ и душой и тѣломъ. Поэтому нападки на евразійцевъ и евразійство волнуютъ меня, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ авторовъ „Исхода къ Востоку“, „На путяхъ“ и „Россіи и Латинства“. Нападки эти меня удивляютъ тѣмъ, что въ нихъ объединились представители разныхъ лагерей, начиная съ 3-го Интернаціонала и кончая русскими національно-монархическими кругами. Несомнѣнно, что здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе и чья то брань является незаслуженной евразійцами. Мнѣ кажется, причина этого недоразумѣнія кроется въ недоговоренности у евразійцевъ (въ ихъ сборникахъ), именно, въ отсутствіи прямыхъ и ясныхъ отвѣтовъ на многіе жгучіе вопросы. Не могу ли я хотя бы частично помочь выясненію этого недоразумѣнія, высказавшись на правахъ рядового евразійца по поводу нѣкоторыхъ упрековъ, бросаемыхъ евразійцамъ, неоднократно слышанныхъ мной лично? Вѣдь упреки эти, рѣзкіе и частые, въ концѣ концовъ, сводятся къ немногимъ положеніямъ. Поэтому мой отвѣтъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ вопросахъ явится общимъ съ нашей стороны отвѣтомъ г. г. оппонентамъ. Конечно, отвѣтъ этотъ не можетъ претендовать на исчерпывающее и точ-

ное изложеніе тезисовъ евразійства. Но общность міроощущенія, которая является спайкой нашего малаго братства, — евразійцевъ, — будетъ, надѣюсь, порукой за соотвѣтствіе предлагаемыхъ мной практическихъ разсужденій духовнымъ основамъ евразійства (хотя бы по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ между нами и были разногласія). Если бы эти сужденія въ какой нибудь мѣрѣ оказались полезнымъ разъясненіемъ позицій евразійства для лицъ, намъ сочувствующихъ — я былъ бы доволенъ и этимъ результатомъ.

* * *

*

Возраженія и упреки, дѣлаемые евразійцамъ, можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

I. „Евразійцы — пассивные богоискатели. Они не цѣнятъ благъ земныхъ, что теперь при грандіозной задачѣ возстановленія хозяйства російскаго, особенно опасно. Евразійцы зовутъ къ уходу въ Эиванду“.

Такъ говорятъ г. г. оппоненты евразійцевъ. Но въ дѣйствительности нѣтъ оснований называть насъ „богоискателями“, ибо ищутъ тѣ, кто потерялъ или не имѣлъ; мы же Бога и вѣры не ищемъ, ибо Бога и вѣру имѣемъ... Пассивности же принципиально мы не проповѣдуемъ и практически не проявляемъ. Скорѣе можно говорить объ идеологической активности евразійцевъ, — даже въ эмигрантскомъ положеніи. „А перемѣнить Богъ Орду“ (на Москвѣ), тогда будущее и дѣла покажутъ, кто окажется активнѣе, представители иныхъ теченій, или евразійцы. Объ этомъ гадать преждевременно. —

Евразійцы не отрицаютъ матеріальной культуры и не умаляютъ ея значенія. Они только указываютъ ей соотвѣтствующее мѣсто, — за духовной культурой, ибо сказано: не единымъ хлѣбомъ живъ человекъ. Матеріальная культура должна быть средствомъ для духовныхъ

достиженій, а не самоцѣлю. Современное превращеніе техники и матеріальныхъ средствъ въ самоцѣль — духовно губительно. Стихи первоначально-матеріальныхъ и первоначально-животныхъ стремленій необходимъ сильный, неизмѣримо высоко стоящій противовѣсъ, ибо „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ“ (Матѹ. 16, 26). Вопросы вѣры и Церкви поставляются евразійцами на первый планъ. Но это не устраняетъ свободы конкретныхъ рѣшеній. И, напр., практически, какъ мнѣ кажется, возможно выступленіе евразійцевъ за отдѣленіе Церкви отъ государства, понимая подъ этимъ отдѣленіемъ, однако, только освобожденіе Церкви отъ опеки государства, отъ вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла и попытокъ использованія Церкви для политическихъ цѣлей. Это охранило бы Церковь отъ возможности стать въ положеніе служанки государства. Признаніе возможности отдѣленія Церкви отъ государства отнюдь, однако же, не значитъ, что можно спокойно отнестись къ такимъ вопросамъ, какъ вопросы о преподаваніи Закона Божія въ школахъ (вообще — о церковно-религіозномъ воспитаніи молодежи!), о Священномъ Коронованіи на Царство, о признаніи государствомъ церковныхъ праздниковъ и т. п...

Народъ русскій — православный. Весь его бытъ тѣсно связанъ съ Православной вѣрой. Если отнять у народа молитву въ видѣ молебновъ, панихидъ, крестинъ, вѣнчаній, освященій домовъ, скота, плодовъ земныхъ, — тогда образуется зіяющая пустота въ душѣ народной и въ его быту. Русскій народъ и его величайшее твореніе — Держава Россійская — могутъ быть крѣпки только подъ кровомъ Церкви и на камнѣ Вѣры Православной. „Върождается и пустѣетъ русское самосознаніе, теряя Православіе...“ „мертвѣетъ и Православіе, покидая русскую націю въ ея титаническихъ порывахъ къ творчеству...“ И мы хотимъ уподобиться мужу благоразумному, который строитъ домъ свой на камнѣ, чтобы буря не завалила

его. (Матѣ. 7, 24 — 25). Насъ печалитъ отсутствіе нравственной твердости и патриотизма въ верхнемъ слоѣ нашего культурнаго общества.

Въ наше время стремленія Католической церкви овладѣть духовно-русскимъ народомъ, воспользовавшись по своему обычаю его Смутой и бѣдами, необычайно усилились. Повторяются попытки 1570, 1613, 1708/9, 1812 и всѣхъ черныхъ лѣтъ нашей исторіи¹⁾). Римской епископией мобилизованы о. о. іезуиты и пр. „ловцы“ душъ человѣческихъ. И вотъ нѣкоторые русскіе люди, особенно представители петроградской знати, уже издавна воспитывавшіеся на иностранный ладъ и мало связанные съ подлинной русской стихіей, поддались соблазнамъ о. о. іезуитовъ и впади въ ересь, увѣровали въ непогрѣшимость папы. Слабодушные напрасно пытаются спастись отступничествомъ. Церковь Православная будетъ оплакивать заблудшихъ овецъ и молиться о просвѣтленіи ихъ разума и о возвращеніи ихъ въ лоно Православной Церкви. Тѣмъ крѣпче мы должны сомкнуться подъ Ея кровомъ, чтобы работать надъ воссозданіемъ русской культуры и государственности.

II. „Евразійцы зовутъ къ отказу слѣдовать „общечеловѣческой“ западно-европейской культурѣ. Они зовутъ Россію къ культурному союзу съ „варварами“ (вродѣ монголовъ, киргизовъ и др.)“.

Этотъ упрекъ евразійцамъ приходится слышать наиболѣе часто. Несомнѣнно, что въ этомъ вопросѣ обнаруживается коренное расхожденіе евразійцевъ и ихъ оппонентовъ. Расхожденіе это въ данномъ случаѣ глубоко и касается не только оцѣнки европейской культуры. Евразійцы не считаютъ западно-европейскую культуру чѣмъ-то абсолютнымъ и всечеловѣческимъ. Западно-

¹⁾ Папскія попытки къ подчиненію Риму Православной Русской Церкви, какъ неизмѣнный сопроводитель каждаго русскаго національно-духовнаго несчастія, почти какъ эмблема или даже „символь“ такого несчастія — еще ждуть связнаго и полнаго изображенія.

европейская культура, по ихъ мнѣнію, связана съ опредѣленнымъ мѣстомъ, временемъ, извѣстными условіями. Евразійцы думаютъ, что полное усвоеніе ея невозможно для народовъ, кровно не связанныхъ съ романогерманцами. „Теоріи, какъ итоги, выведенныя изъ прошедшаго разсудкомъ, правы всегда только въ отношеніи къ прошлому, на которое онѣ, какъ на жизнь, опираются, а прошедшее есть всегда только трупъ, покидаемый быстро-текущей жизнью, трупъ, въ которомъ анатомія доберется до всего, кромѣ души. Теорія вывела изъ извѣстныхъ данныхъ извѣстные законы и хочетъ заставить насильственно жить всѣ послѣдующія, раскрывающіяся данныя по этимъ логически правильнымъ законамъ“ (Ап. Григорьевъ). — То, что сказано Ап. Григорьевымъ о жизни по теоріямъ, полностью можетъ быть отнесено къ заимствованію (или усвоенію) западно-европейской культуры иными народами. Души-то этой культуры, традицій и пр. усвоить нельзя. Этимъ не отрицается возможность и необходимость для насъ отдѣльныхъ частичныхъ заимствованій въ С.-Штатахъ С. А., Зап. Европѣ, Японіи. Но необходима осторожность и въ техническихъ заимствованіяхъ, — необходимъ учетъ нашихъ условій и данныхъ. Вспомнимъ, что творилось у насъ. Вѣдь около двухсотъ лѣтъ длилось наше идейное холопство по отношенію къ З. Европѣ. У нея брались идеи, моды, теоріи и т. д. Власть и русскій культурный слой хотѣли видѣть русскій народъ превращеннымъ то въ „англо-голландцевъ“, то во „французовъ“, то въ „нѣмцевъ“, то, наконецъ, просто въ „навозъ для западно-европейской культуры“ и для экспериментовъ (г. г. соціалисты). И тогда то у насъ образовалась привычка на каждый вопросъ, поставленный русской дѣйствительностью, искать готовый отвѣтъ въ теоріи, выработанной чужой мыслью на основаніи опытовъ чужой жизни. Безоглядное западничество заразило насъ всѣми болѣзнями запада — раціонализмомъ, позитивизмомъ, соціализмомъ и прочими „измами“. Однимъ изъ резуль-

татовъ этой заразы явились теперешніе соціалистическіе опыты, продѣлываемые надъ Россіей коммунистами, квинтъ-эссенціей русскаго западничества.

„Большевизмъ есть осуществленіе того соціализма и того господства рабочаго класса, о которомъ они (западно-европейцы) слышали такъ много умныхъ рѣчей, вѣщихъ прорицаній и соблазнительныхъ посуловъ... Идея захвата власти рабочимъ классомъ и насильственного введенія соціализма есть идея французскаго происхожденія“ (П. Б. Струве).

И въ увлеченіи „западомъ“ причина того, что всякій интеллигентъ — чиновникъ, помѣщикъ, землемѣръ, докторъ, и т. д., однимъ словомъ, всякій „баринъ“, соприкасаясь съ крестьянской массой, вызывалъ въ ней вражду, недовѣріе и презрительныя насмѣшки. Рѣчь „барина“ была для мужика смѣшна и непонятна. Жители Марса, вѣроятно, легче могли бы понимать жителей Сатурна, нежели понимали интеллигентъ и мужикъ другъ друга... Оправдывались слова В. О. Ключевскаго, что „западничество, это утрата пониманія живой русской дѣйствительности“. Вспомнимъ для наглядности тотъ культъ Европы и то пренебреженіе къ своему, въ которомъ нерѣдко воспитывали дѣтей родители и которое почти постоянно внушали молодежи въ школъ преподаватели географіи, исторіи и др. наукъ, независимо отъ ихъ политическихъ воззрѣній.

Теперь, когда насъ бранятъ за отказъ отъ идеи „возвращенія Россіи въ семью европейскихъ народовъ“, за отказъ отъ идеи „новаго пріобщенія Россіи къ европейской культурѣ“, мы твердо говоримъ, что мы дѣйствительно отказываемся итти старымъ путемъ. Разверзшаяся бездна Черной Смуты является достаточнымъ предостереженіемъ отъ выхода на старый путь. Конечно, это можетъ быть неприятнымъ для тѣхъ, преклоннаго возраста, почитателей Западной Европы, которые десятки лѣтъ кряду ѣздили во Францію, Италію, Испанію, Германію,

Австрію и т. д. для отдыха и просто от скуки и понинѣ изъ всѣхъ странъ міра, только эти страны считаютъ стоящими признанья и вниманья. Такихъ лицъ, связавшихъ себя съ Западной Европой, мы въ достаточномъ количествѣ видимъ вокругъ себя. Имъ мы скажемъ: міровая духовная и политико-культурно-экономическая гегемонія Западной Европы кончилась вмѣстѣ съ міровой войной. Никакія стремленія, никакія мѣры не вернутъ Европѣ былого верховенства. Это надо признать независимо отъ того, нравится или не нравится такая перемѣна. Для мощнаго поступательнаго движенія Европа не можетъ служить прочной опорой. Она сама требуетъ матеріальныхъ и духовныхъ костылей. Географическая цѣлостность Евразіи, экономическія возможности будущаго Россійской Державы, родственность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ психологіи русскаго народа съ психологіей тюрко-монгольскихъ и нѣкоторыхъ другихъ „евразійскихъ“ народовъ, наше историческое прошлое и пр., однимъ словомъ, вся сумма нашихъ данныхъ и условій указываютъ на то, что намъ не слѣдъ быть привѣскомъ Франціи или Германіи (вообще Западной Европы!), но необходимо вернуться къ себѣ и начать строить храмину русской культуры, сообразно съ тѣми евразіійскими данными, которыми мы обладаемъ Промысломъ Божиимъ. „Исходъ къ Востоку“ — это и есть возвратъ къ себѣ, но не походъ на востокъ за новыми заимствованіями „къ монголамъ и китайцамъ“, какъ пробуютъ острить г. г. оппоненты-западники. Г. г. остряки, видимо, весьма низкаго мнѣнія о нашей логичности. — Если мы тяготимся чуждымъ намъ европейскимъ мундиромъ, то почему будемъ напяливать на себя одѣяніе китайскаго мандарина? Будетъ ли въ нашемъ строительствѣ перевѣшивать „европеизмъ“ нашего сознания, „азійство“ нашей души или „азіатчина“ характера, или они будутъ въ равновѣсіи, во всякомъ случаѣ, чтобъ они сочетались гармонически, — мы должны жить и творить, не отрываясь отъ своихъ корней. Объе-

динять насъ съ нашими сосѣдями „азіатами“ будетъ единая русская культура, органически выросшая въ нашихъ условіяхъ, и, прежде всего, ея первый продуктъ — русская государственность.

III. „Евразійцы поносятъ императорскій (петербургскій) періодъ русской исторіи и идеализуютъ до-петровскій періодъ“.

— Возражать евразійцамъ такъ — мнѣ кажется, — значить валить съ больной головы на здоровую. Въ нашемъ, какъ впрочемъ, я думаю, и cadaго русскаго патріота, отношеніи къ прошлому нужно различать двѣ стороны. Мы болѣемъ душой за ошибки власти и общества въ прошломъ, но „своихъ царей великихъ поминаемъ за ихъ добро, за славныя дѣянья“... Мы ясно чувствуемъ, что даже въ послѣдніа десятилѣтія — среди идеологическаго упадка и духовнаго разложенія нашихъ правящихъ и интеллигентскихъ круговъ, въ Россіи были осуществлены великіа достиженія въ области наукъ, искусствъ, техники и матеріальной культуры. Все это, — погребенное и полупогребенное нашей „великой“ революціей, казалось бы, давало намъ въ качествѣ познавательной, художественной, технической и матеріальной базы просторъ и возможность гордо и спокойно жить, работать и развиваться. И не эта база, но именно духовное разложеніе виною тому, что мы предавались самоуничижению; настолько не понимали дѣйствительности, что возможно было возникновеніе фантастическихъ дѣтскихъ „плановъ о радикальномъ переустройствѣ Россіи на раціональныхъ началахъ“ (проектъ кружка „витмеровцевъ“). Въ нашемъ прошломъ можно насчитать безконечное количество фактовъ, которые можно было бы посчитать за анекдоты, если бы они не повлекли за собою нашу теперешнюю трагедію. Коснемся, напримѣръ, дѣла воспитанія юношества. Въ странѣ Царей и Самодержавія, подъ носомъ у попечителей округовъ, по одобреннымъ свѣше учебникамъ, молодежь воспитывалась въ глубокомъ уваженіи и даже любви къ Аристо-

гитону, Демосѣену, Бруту и имъ подобнымъ. Между тѣмъ насколько я могу, въ моемъ ощущеніи реальности, воссоздать себѣ историческіе факты (простите, что рѣшаюсь на такое воссозданіе, при скромности моихъ историческихъ познаній) — Аристокитонъ и его товарищъ убили изъ за угла братьевъ-диктаторовъ, обезпечивавшихъ странѣ взаимнъ анархіи — миръ, законность и порядокъ. Убили ихъ по найму отъ партіи. Демосѣенъ, честолюбивый, но недалъновидный интриганъ, боролся съ царемъ Филиппомъ Македонскимъ, который стремился объединить греческія земли, дать грекамъ миръ и спокойствіе и усилить ихъ въ борьбѣ съ Востокомъ. Брутъ убилъ своего воспитателя и опекуна, великаго Императора и Властодержца Цезаря, проявившаго необыкновенное величіе и благородство даже въ смертнѣйшій часъ. Брутъ — борець противъ единодержавія, тупой и недалекій политикъ, отнялъ у народа геніальнаго правителя и ввергъ народъ въ бѣды междуусобія. Въ школахъ у насъ всѣ эти бунтари и убійцы обрисовывались какъ герои, совершившіе величайшій въ исторіи человѣчества подвигъ. Второй примѣръ, еще болѣе разительный. Въ нашихъ школахъ открыто проповѣдывался культъ „великой французской революціи“, ¹⁾ а съ ней заодно и всѣхъ революцій. Революція вообще обрисовывалась, какъ панацея отъ всѣхъ золъ. Творить новую жизнь можно де только революціоннымъ путемъ. Впасть въ революціонное состояніе, нирвану нашихъ временъ, было свѣтлой мечтой почти всѣхъ нашихъ преподавателей исторіи. Стремленіе дожить до революціи, погрузиться въ нее и быть счастливыми, вотъ что вбивалось, какъ идеаль, въ головы 15—16-ти лѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Что особенно любопытно, даже

¹⁾ Интересно, что французскими историками всегда указывалась обратная сторона медали — страшныя бѣды этой смуты. Фактически, только преодоленіе революціи оплодотворило ее (творчество Наполеона). Историки послѣднихъ временъ (Тэнъ, Вандаль, Стурмъ и др.) считаютъ, что революція подорвала силу Франціи, что она имѣла больше минусовъ, чѣмъ плюсовъ. Наши преподаватели тѣневья стороны замалчивали.

конца для революціи не предусматривалось (по черновски — углубляться, углубляться и углубляться въ революцію). Такія явленія нашего прошлаго, какъ романтическая идеализація революціи, (дѣйствительно, всеблаженное состояніе!) есть мелочь. Были болѣе крупныя ошибки общества и власти въ нашемъ прошломъ. Они не могутъ быть предметомъ нашего восхищенія. Но, критикуя ошибки въ прошломъ, евразійцы стремятся дѣлать это бережно и осмотрительно, памятуя, во-первыхъ, что не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, во-вторыхъ, что неумѣлой критикой можно повредить будущему. „Мы слишкомъ безоглядно критиковали и порочили передъ иностранцами свою страну. Мы болѣе, чѣмъ недостаточно бережно, относились къ ея достоинству, къ ея историческому прошлому“ (П. Б. Струве). Такое отношеніе къ своей исторіи повлекло укорененіе неуваженія къ себѣ въ русскомъ народѣ и развило чувство неувѣренности въ своихъ способностяхъ и силахъ. Несмотря на прекрасную умственную и духовную одаренность, русскій народъ претерпѣлъ въ своемъ развитіи больше несчастій, потрясеній и катастрофъ, чѣмъ какой-либо другой народъ. Одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ нашихъ бѣдъ — это неуваженіе къ себѣ, неувѣренность въ своихъ силахъ и съ ними связанное слабоболіе.

Объ идеализаціи евразійцами до-петровскаго періода нашей исторіи не приходится долго говорить. Несомнѣнно, что Россія временъ царя Алексѣя Михайловича, Федора Алексѣевича, Софіи Алексѣевны представляла собой болѣе здоровый государственный и національный организмъ, нежели при преемникахъ Петра Великаго (послѣ того, какъ произошелъ нравственный расколъ между верхами и низами народа), и развивалась она до Петра Великаго нормальнѣе, чѣмъ послѣ него. Но эти примѣры для евразійцевъ могутъ являться самое большее нѣкоторой аналогіей и отдаленнымъ прообразомъ для будущаго строительства, ибо времена и условія явно несравнимы.

IV. „Евразійцы національ-большевики. — Евразійцы-антисемиты“.

Мы націоналисты, это вѣрно, самые откровенные русскіе націоналисты. Конечно, мы далеки отъ страннаго націонализма тѣхъ русскихъ, которые удивительно страстно защищали всѣ національныя движенія, направленные противъ русскаго націонализма (П. Н. Милюковъ). Еще далѣе мы стоимъ отъ учредителей десятковъ „республикъ“ (вплоть до еврейской — со столицей въ Минскѣ) на территоріи Россійской Державы и искоренителей одного только націонализма русскаго. — „Россію погубила безнаціональность интеллигенціи, единственный въ міровой исторіи случай — забвенія національной идеи мозгомъ націи“ (П. Б. Струве). Евразійцы, будучи русскими націоналистами, не раздѣляютъ воззрѣнія, по которому хранителями національной идеи являются народныя массы. Носителемъ національнаго начала должна быть (и нормально была) интеллигенція. Национально крѣпкій и одаренный профессоръ или студентъ, въ извѣстномъ смыслѣ, стоитъ губерніи. Всѣ отвлеченныя мечты и мистическія грезы о народныхъ массахъ, какъ первомъ двигателѣ и самостоятельномъ дѣйствителѣ, должны быть впредь русской интеллигенціей оставлены. Слѣдуетъ понимать реальное теченіе исторіи; масса, сама по себѣ, равнодушна и бездѣйствена; чтобы она стала иною, долженъ быть данъ толчокъ отъ многочисленныхъ, но вѣрящихъ и волящихъ личностей. Горячіе и одаренные патріоты, всегда, по необходимости, немногочисленные — суть подлинныя „авторы исторіи“, — некоронованные водители націи, въ ихъ качествѣ носителей національной идеи. Этимъ не отрицается наличие въ сознаніи массъ національнаго инстинкта¹⁾; но это именно „инстинктъ“, идея и чувство, въ скрытомъ, свернутомъ со-

1) Только этимъ наличиемъ обусловливается фактъ сохраненія массами національнаго облика при многолѣтнемъ владычествѣ или возглавленіи націи инородцами.

стояніи; болѣе того, этимъ не отрицается, что національный инстинктъ массъ имѣетъ опредѣленное содержаніе; именно поэтому не всякая идея, имѣющая „національный характеръ“, — способна стать „идеей-правительницей“ (см. статью „Подданство идеи“), но только та, которая указываетъ и отвѣчаетъ содержанію національно-массоваго инстинкта. Но инстинктъ въ „идею-правительницу“ превращаетъ духовная дѣятельность интеллигенціи — хотя бы ея представители и выходили, какъ это сплошь и рядомъ случается — изъ самой гущи народа... Въ огромной необъятной Россіи націонализмъ трудно усвоить и постигнуть. Русскій народъ состоитъ изъ массы мѣстныхъ горячихъ патріотовъ: уральцевъ, терцевъ, украинцевъ, донцовъ, сибиряковъ и т. д.; русскій патріотизмъ въ народныхъ массахъ слабо теплится и изрѣдка разгорается. Стойкіе и постоянные всероссійскіе патріоты — это горсточка интеллигенціи и служилыхъ людей, абсолютно значительная, но относительно теряющаяся въ морѣ остального населенія. И тѣмъ болѣе трагически, что значительная часть этой горсточки къ началу XX вѣка утратила или не приобрѣла обостреннаго національнаго чувства. Въ результатъ „на Москвѣ“ оказался 3-ій Интернаціональ. Но и этотъ жестокий опытъ многихъ не исцѣлилъ, и еще недавно въ Прагѣ мы слышали слова (П. Н. Милюковъ): „мы хотимъ быть національными безъ націонализма“ .., „можно быть национальными безъ стараго „вѣхизма“ и безъ новаго „евразійства“. — Мы, евразійцы, полагаемъ, что безъ „вѣхизма“ и „евразійства“ могутъ обойтись только политическіе мертвецы.

— Итакъ, мы націоналисты. Но въ чемъ нашъ „національ-большевизмъ“, по совѣсти сказать, я не могу понять. По нашему разумѣнію само опредѣленіе „національ-большевизмъ“ есть *contradictio in adjecto*. Интернаціонализмъ, конечно, можетъ въ тактическихъ цѣляхъ пользоваться національнымъ движеніемъ, но принципиально съ

последнимъ не совмѣстимъ. Какимъ образомъ можно совмѣщать большевизмъ (— социализмъ — интернаціонализмъ) съ русскимъ націонализмомъ есть для насъ такая же загадка, какъ и для всякаго другого мыслящаго русскаго патріота...

На другомъ предѣлѣ выплываетъ вопросъ объ антисемитизмѣ евразійства. Съ такимъ же правомъ, даже большимъ, евразійцевъ можно назвать анти-романцами, анти-германцами, анти-англосаксами и прочими „анти“. Однако и это было бы не точно. Ксенофобіи, какъ принципа, евразійцы не придерживаются. Правда мы не питаемъ особой склонности къ европейцамъ, но это только потому, что европейцы сами не хотятъ, чтобы мы ихъ любили. И правительство, и общество Англии, Франціи, Италіи и пр. являются поразительными невѣждами въ русской жизни и исторіи. Россійская Держава и русскій народъ интересовали романо-германцевъ только съ точки зрѣнія наживы и барышей. Теперь каждый эмигрантъ, побывавшій въ не-славянскихъ странахъ Западной и Средней Европы, это пренебреженіе и невѣжество знаетъ хорошо. Помимо того, у многихъ романо-германскихъ народовъ наблюдается въковая необоснованная враждебность къ русскому народу, легко прорывающаяся у нихъ при первомъ обостреніи политическихъ отношеній между правительствами. Наша пламенная всепобѣждающая любовь къ Западной Европѣ была несомнѣнно нераздѣленной односторонней страстью. Много этому способствовало наше собственное презрѣніе къ всему своему. Надо надѣяться, что теперь русскій интеллигентъ излѣчится отъ своего пристрастія ко всему нерусскому. Не страдаемъ этимъ пристрастіемъ и мы. Но это не значить, что мы повинны въ ненависти ко всему иностранному. То же можно сказать о нашемъ „антисемитизмѣ“. Мы дѣйствительно расходимся въ одномъ вопросѣ съ большинствомъ еврейскаго общества. Расходимся мы съ нимъ въ оцѣнкѣ нашей смуты. Для

большинства еврейскаго народа и поголовно для всей еврейской молодежи русская революція есть „В е л и к а я“, давшая имъ все, даже господствующее положеніе въ средѣ существующей революціонной россійской власти, о чемъ передъ революціей ни одинъ еврей въ мірѣ серьезно думать не могъ. Евреи приѣмлютъ „Великую“ со всеми ея онерами и являются ея цементомъ. Это признають, предостерегая еврейскій народъ, наиболѣе дальновидные представители еврейской интеллигенціи (Ландау, Бикерманъ, Брудкусъ, Мандель). Для насъ же революція есть, прежде всего, Черная Смута, подобная чумѣ въ соединеніи съ самыми страшными стихійными бѣдствіями. Если мы признаемъ революцію „необходимой“, то только въ смыслѣ исторической необходимости, въ томъ смыслѣ, что при извѣстныхъ условіяхъ разложенія исторической власти ея не могло не быть. И если мы „приѣмлемъ“ ее, то какъ всякій историческій фактъ, который, разъ онъ произошелъ, — нельзя устранить и съ которымъ практически нужно считаться. Но самъ по себѣ процессъ революціи есть разрушительный и злой. Отсюда ясно, что къ инородцамъ - углубителямъ Русской Смуты и приѣмлющимъ ее, какъ „великую Нирвану“ (въ томъ числѣ и къ евреямъ), довѣріемъ и любовью пылать не можемъ. Но въ отношеніи къ еврейству есть и другая сторона. Каждый вѣрующій помнить, какое религіозное значеніе и смыслъ имѣетъ исторія еврейскаго народа. И въ русской революціи, помимо эмпирической стороны въ соотношеніяхъ русскаго и еврейскаго народовъ, — есть и другая сторона, таинственная и страшная, какія-то притяженія и отталкиванія, которыя въ настоящій моментъ сплели оба народа въ тѣсный клубокъ... И то, что мы понимаемъ сложность рождающихся отсюда вопросовъ (какъ размотать этотъ клубокъ?) вѣрнѣе, чѣмъ что другое страшуетъ насъ, какъ мнѣ кажется, отъ сниженія этого пониманія до степени вульгарнаго антисемитизма. Тѣмъ менѣе мы являемся врагами всѣхъ инородцевъ. Наоборотъ, мы по-

лагаемъ, что разумно понятый націонализмъ меньшихъ народовъ не устраняеть, но наоборотъ требуетъ ихъ участія въ болѣе широкой великодержавной русской государственности. Русская государственность обезпечить болѣе успѣшное развитіе меньшимъ народамъ, какъ грузины, эсты, латыши и др. Предоставленіе областямъ — въ самыхъ широкихъ предѣлахъ — права управлять мѣстными дѣлами лишь упрочить ихъ привязанность къ Державѣ Россійской. Но мы далеки отъ возрѣвнїи тѣхъ, кто заявляетъ, что стоитъ „на точкѣ зрѣнїя федеративнаго объединенїя по принципу добровольнаго (??) соглашенїя входящихъ (Sic!) въ составъ Россїи отдѣльныхъ національностей“. — Ну, а если азербейджанскїе татары пожелаютъ видѣть Баку самостоятельнымъ и таможенно-политически изолировать его отъ Россїи? а эсты „добровольно согласятся стать „dominion of the United Kingdom“ и сдѣлать Ревель базой англїйскаго флота? Тогда что? Съ нашей русской точки зрѣнїя это невиданное въ мїрѣ „добровольное“ объединенїе является вредной мечтой. Увы, въ этомъ мїрѣ безъ принужденїя не обойдется. Но принужденїе это должно быть не мелко-себялюбивымъ и произвольно-необоснованнымъ, но органическимъ принужденїемъ — со стороны великаго хозяйственно-политическаго цѣлаго, въ отношенїи къ своей части: послѣдняя принудительно несетъ выпадающую на ея долю функцію, для поддержанїя жизни и развитїя всего цѣлаго и ея самой...

Мы думаемъ, что подлинная національная русская власть должна руководствоваться русскими интересами и не обязана считаться съ тѣмъ, пожелаютъ ли татары чтобы бакинская нефть шла въ Россїю, или эсты, чтобы Ревель былъ русскимъ портомъ... Но это отнюдь не означаетъ, что меньшимъ народамъ угрожаетъ угнетенїе; наоборотъ, именно потому, что Россїя имѣетъ всѣ данныя быть сильной — она можетъ, при обезпеченїи жизненныхъ предусловїй своего державно-хозяйственнаго бытїя, пре-

доставить меньшимъ народамъ — наибольшую свободу при наименьшемъ обремененіи государственными тяготами. Предносящійся евразійцамъ національный строй Державы Россійской есть строй свободы на основѣ мо щ и.

V. „Евразійцы ослабляютъ напряженіе національнаго русскаго духа подмѣной слова „русскій“ странно подозрительнымъ словомъ „евразіецъ“.

Слова „Евразія“, „евразіецъ“ раздражаютъ многихъ. Вполнѣ понимаю негодованіе нашихъ закоренѣлыхъ, преклоннаго возраста, принципиально-бытовыхъ западниковъ. Они чувствуютъ какую то угрозу въ словѣ „Евразія“. Ни „малая“, ни „великая“ смуты не переубѣдили ихъ неискоренимаго западничества. Ихъ нельзя заинтересовать ни воздухомъ, ни красотами Кавказа, Туркестана, русскихъ „ривьеръ“ и другихъ жемчужинъ Русской Державы, ни, тѣмъ болѣе, кузнецкимъ углемъ, уральской рудой, ухтенской нефтью и пр. неиспользованными богатствами Евразіи. Они будутъ отмирать западниками, безславно закончивъ періодъ не критическаго русскаго западничества и заимствованій, и уступая, надо надѣяться, мѣсто творческой молодой реакціи. Но я долженъ сказать, меня удивляетъ нѣкоторое раздраженіе и недовольство евразійствомъ, высказываемое людьми національно настроенными и государственно мыслящими. Евразійцы не знаютъ какого то особаго „евразійскаго“ націонализма и ничѣмъ не подмѣняютъ Родины-Россіи, русскаго имени и русскаго націонализма. Они отрицаютъ интернаціонализмъ во всѣхъ его видахъ и потому не могутъ употреблять слово „евразіецъ“ съ какимъ бы то ни было интернаціональнымъ (или національнымъ) привкусомъ и смысломъ. „Евразійство“ это лозунгъ для Россіи итти новыми путями къ „новой жизни и старой мощи“. „Евразія“ — это значитъ: Россія должна жить сама по себѣ, довлѣть сама себѣ, сама должна являться свѣтомъ для себя.

Экономически мы можемъ быть сильнѣе, нежели были передъ войной и должны стать таковыми. Мы должны перестать быть придаткомъ въ экономической системѣ нѣмецкаго или иного чуждаго народнаго хозяйства. Нынешнія условія могутъ быть благопріятны для нашего экономического возстановленія и расцвѣта. Тутъ имѣеть значеніе цѣлый рядъ обстоятельствъ міровой хозяйственной обстановки. Первое, С.-Штаты постепенно усиливаютъ преграды для западно-европейской иммиграціи; второе, С.-Штаты обладаютъ свободными производительными капиталами; третье, Западная Европа имѣеть въ наличіи большіе кадры рабочихъ, готовыхъ эмигрировать, большіе кадры высоко-квалифицированныхъ „спецовъ“ всѣхъ категорій и, что не менѣе важно, имѣеть въ наличіи инициативный классъ предпринимателей, промышленниковъ и торговцевъ, ищущихъ приложенія своей энергіи и средствъ; четвертое, Россія владѣеть большими природными богатствами, не использованными или использованными въ малой степени, и землями, годными для колонизаціи. Въ смыслѣ техническомъ въ этой обстановкѣ, „американизація“ Россіи возможна и желательна, но она требуетъ сознательной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи. Однако, мы должны охранить себя отъ „психологической американизаціи“, при которой техника и матеріальныя блага получаютъ перевѣсъ надо всѣмъ остальнымъ и погоня за наживой становится единственной двигающей пружиной — частной и общественной жизни. Техническая американизація Россіи при использованіи техническихъ знаній, средствъ и силъ иностранцевъ желательна только при томъ условіи, если одновременно съ этимъ руководящіе круги Россіи будутъ проникнуты истиннымъ націонализмомъ и будутъ имѣть твердый религіозный упоръ. Если же русская интеллигенція будетъ по прежнему западо-поклоннической и неправославной, „американизація“ превратится въ грозную національную опасность. Скрѣпить сѣверъ и югъ, во-

стокъ и западъ Россійской Державы культурно - экономическими скрѣпами, оплести хозяйственными узлами, которыхъ не разрубили бы никакіе мечи — вотъ о чемъ мечтаетъ и на что посильно работаетъ евразійство. Петроградъ, какъ столица Россіи, для выполненія этой задачи не годится. Петроградъ сыгралъ свою большую роль въ прошломъ, однако, закончилъ ее позорно и безславно. Теперь Петроградъ долженъ получить иное, болѣе скромное заданіе въ хозяйственной и политической жизни Россійской Державы. Онъ будетъ главнымъ русскимъ портомъ на Балтійскомъ морѣ и сѣвернымъ, весьма рафинированнымъ! — центромъ русской культуры. Такая роль для Петрограда не по вкусу нашимъ западникамъ и бѣлымъ интернаціоналистамъ. Они мечтаютъ о воскрешеніи „Петербурга“, (именно, „Петербурга“, а не Петрограда!) въ его значеніи всероссійскаго руководящаго центра — первой столицы. Мы думаемъ, что это невозможно, да и не желательно.

Для евразійцевъ Петроградъ въ роли столицы (да еще Петербургъ...) является символомъ прошлаго увлеченія Европой, ея интересами, ея мыслями, ея раціонализмомъ, социализмомъ и пр. болѣзнями, — символомъ пренебреженія къ родной странѣ и отказа отъ ея познанія. „Окно въ Европу“, продѣланное Великимъ „Отцомъ Отечества“, его маленькіе потомки превратили въ проломъ цѣлой стѣны. Невозможно съ успѣхомъ управлять Россійской Державой изъ Петрограда и скрѣпить ея зданіе, построенное на огромной своеобразно-евразійской площади и обитаемое разноплеменнымъ населеніемъ. Однако, евразійцы твердо знаютъ и помнятъ, что русская государственность слагалась не на берегахъ Чернаго Иртыша или Оби и думаютъ, что Москва безспорно является единственно-возможнымъ всероссійскимъ руководящимъ центромъ. Тѣмъ болѣе, что теперь приходится вновь воскрешать священныя московскія традиціи „собиранія земель“. Въ противовѣсъ же иностраннымъ проискамя, для скрѣпленія связей Рос-

сійской Державы и усиленія русскаго государственнаго чувства на югѣ необходимо второй столицей объявить „мать городовъ русскихъ“ — Кіевъ. Помимо всего прочаго, нахождение второй русской столицы и важнѣйшаго культурнаго центра въ Кіевѣ будетъ побуждать къ твердому овладѣнію и использованию всѣхъ природныхъ данныхъ юга, что само по себѣ отклонить отъ бывшихъ свойственными и привычными „Петербургу“ поисковъ журавлей за моремъ. Этотъ „исходъ“ къ югу и „поворотъ къ востоку“ не означаетъ отказа отъ „окна въ Европу“. Но это окно будетъ использовано какъ окно, а не какъ проломъ, въ который можетъ попадать къ намъ всякая нечисть. Двери же у насъ широкія на востокъ и на югъ. Мы должны для своего будущаго укрѣпить свои политическія, экономическія и культурныя позиціи на ближнемъ, среднемъ и дальнемъ востокѣ. Безъ изучения своихъ окраинъ и безъ культурнаго общенія съ міромъ монгольско-тюркскимъ и иными, при увлеченіи прелестями запада, такая задача по глубокому убѣжденію евразійцевъ, не выполнима.

VI. „Евразійцы — реакціонеры“.

Еще недавно — подобный упрекъ въ „реакціонности“ былъ убійственнымъ и неотразимымъ. Теперь же онъ внѣшне можетъ быть пугаетъ, но внутренно не дѣлается отъ него страшно. Объясняется это тѣмъ, что въ настоящее время понятіе „реакціонности“ совершенно не дѣйственно, такъ какъ демократизмъ, народоправство, парламентаризмъ и социализмъ — теперь сильно дискредитованы и переживаютъ не только кризисъ, но нѣчто большее. Жизнь повсюду стремится найти какіе-то новые пути внѣ официального демократизма и социализма (Италія — фашизмъ, идущій изъ низовъ, Испанія — фашизмъ — сверху) и „охранителями“ или „реакціонерами“, т. е. людьми, стремящимися задержать естественный ходъ развитія и наступленіе новой эпохи, являются теперь не противники, а сторонники официального демократизма и социализма. Къ охраните-

лямя и мракобѣсамъ этого типа мы себя не причисляемъ, ибо безусловно свободны отъ нарочитой приверженности къ „пряому народовластію“ и социализму. Здѣсь не мѣсто для изложенія опредѣленной политической программы, для которой и время еще не приспѣло и которую трудно и даже невозможно создать, находясь внѣ родной стихіи. Но нѣсколько мыслей о политическихъ и другихъ вопросахъ, мнѣ хотѣлось бы высказать здѣсь.

Оговорюсь, евразійцы не считаютъ ни смертнымъ, ни простымъ грѣхомъ хорошія заимствованія не только въ технику, но и въ мірѣ движущихъ силъ — идей. Взятая социальная, политическая или экономическая идея у консерваторовъ, или у радикаловъ, или же наша идея совпадаетъ съ идеей чуждой намъ среды, — для евразійцевъ это безразлично, поскольку эта идея не богопротивна и не пагубна для души и жизни народа. Евразійцы не сторонники предвзятости. Поэтому упреки только въ заимствованіи не считаются евразійцами вообще дѣльными и серьезными. Мы позволимъ себѣ коснуться вопроса о пропорціональномъ представительствѣ и нѣкоторомъ иномъ „активѣ“ патентованной демократіи. Евразійцы думаютъ, что „всенародное“ безымянное представительство съ большей пользой для каждаго государства можетъ быть замѣнено профессионально-групповымъ представительствомъ опредѣленныхъ реальныхъ интересовъ. Къ этому толкаетъ сама жизнь: всюду идетъ фактическое вытѣсненіе „общенароднаго“ представительства партійнымъ, при чемъ партіи пока уродливо, но все же наглядно становятся выявителями интересовъ опредѣленныхъ профессій и классовъ, сохраняя только номинально „общенародный“ характеръ. Это, съ одной стороны — подтверждается прикрѣпленіемъ мандатовъ къ партіямъ, а не къ личности, пропорціональностью представительства, а съ другой — и современнымъ дробленіемъ партій на экономической почвѣ. — Что касается государственнаго строя Россійской Державы, мы думаемъ, что вообще основы

его должны быть органически связаны съ нашими условіями; иначе мы не будемъ имѣть крѣпкого, устойчиваго государственнаго строя. Наши мозги не перевариваютъ „демократической“ теоріи „прямого народоправства“, и логикой ея защитниковъ мы не владѣемъ. Поэтому, если по словамъ этихъ защитниковъ „для Россіи хрупкій механизмъ парламентарной монархіи не годится“, то мы думаемъ, тѣмъ болѣе не годится для нея предлагаемый ими „республиканско-демократическій“ строй (П. Н. Милюковъ). Въ Россіи это европейское измышленіе дастъ уродливые плоды. Нечего грѣха таить, евразійцы берутъ подъ сомнѣніе все, носящее печать патентованной демократіи. Мы думаемъ, что къ творчеству, созиданію и саморуководству народныя массы, какъ таковыя, не способны. Когда человѣкъ ежедневно и ежечасно рѣшаетъ большинство жизнью выдвигаемыхъ вопросовъ подъ угломъ зрѣнія личной выгоды, трудно допустить, чтобы онъ могъ отрѣшиться отъ такого угла зрѣнія при разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Интеллигентъ постепенно можетъ прийти къ выводу — „благо государства да будетъ высшимъ закономъ“, но массы народныя — никогда. Поэтому „прямое народоправство“ и „демократія“ въ этомъ же смыслѣ являются для евразійцевъ горшимою изъ золь, ведущимъ въ конечномъ счетѣ къ разложенію, распаду и общему упадку. Править можетъ и должно только культурное, сознательное, идейное меньшинство. Для участія въ дѣлѣ правленія необходима спеціальная склонность, одареніе, опредѣленные навыки, традиція и пребываніе въ атмосферѣ, насыщенной вопросами о государственномъ благѣ. Иначе получается курьезъ: отъ конюха требуются извѣстныя знанія и опытъ, отъ претендентовъ на управленіе страной ничего не требуется кромѣ принадлежности къ партіи. При такомъ положеніи какой-нибудь захудалый пензенскій или одесскій адвокатъ можетъ быть избранъ представителемъ вологодскихъ крестьянъ (прямое народоправство...) и занимать послѣ постъ, скажемъ, во-

еннаго министра. Это меньшее изъ золъ. При болѣе послѣдовательномъ проведеніи „прямого народоправства“ — угрожаетъ закрытіе существующихъ академій и университетовъ за ненадобностью... Примѣры современной „демократіи“ подтверждаютъ нашъ тезисъ. Фактически и въ демократическихъ партіяхъ вожаки никогда не избираются, и строй любой демократической партіи является живымъ отрицаніемъ ея принциповъ и лозунговъ. И то, что высокій уровень культурной жизни оказался, (другой вопросъ — на долго ли?), совмѣстимымъ съ официальнымъ провозглашеніемъ демократическихъ лозунговъ, въ значительной мѣрѣ находитъ себѣ объясненіе въ подобномъ „отрицаніи дѣломъ“. Говорятъ, что „демократія“ теперь переживаетъ „сумерки“ (предвѣстникъ ночи). Необходимо сказать, что кромѣ вышеуказанной, есть и другія причины наступленія „сумерекъ“ для „демократіи“. Причина эта кроется въ томъ, что практически у специфическихъ „демократовъ“ идеи родины и націи замѣнены партійностью. Поэтому люди глубоко демократичные въ своей сущности, но „горячіе“ въ вопросахъ національных, рѣзко отмежевываются отъ патентованной демократіи, скажемъ русскими примѣрами — типа Керенскаго, Чернова и др. Мы не думаемъ, чтобы государственный строй Россіи могъ быть строимъ „демократическимъ“, въ смыслѣ патентованной демократіи; но, упаси Боже, чтобы строй этотъ былъ столь же оторваннымъ отъ жизни, отъ психологій и потребностей массъ, какъ старый порядокъ въ послѣдніе годы своего существованія. Мы сказали бы такъ: не будучи „демократическимъ“ (народоправственнымъ), государственный строй Россіи долженъ быть „демотическимъ“ (народнымъ): въ томъ смыслѣ, что власть должна просто „знать свою публику“, находиться въ постоянномъ соприкосновеніи съ настроеніями народныхъ массъ, широко и послѣдовательно итти навстрѣчу ихъ потребностямъ, опираться на моральную поддержку народа. Всѣ государственный цѣли — и въ томъ числѣ

цѣли общаго благосостоянія — технически во много разъ совершеннѣе разрѣшимы и можетъ быть единственно разрѣшимы въ условіяхъ правленія культурнаго, сознательнаго и идейнаго меньшинства... Здѣсь возникаетъ вопросъ о наличіи того слоя населенія, который былъ бы хранителемъ государственной и національной идеи и откуда пополнялся бы правящій кругъ. Къ великому несчастію, Россія передъ революціей страдала недостаткомъ людей въ пополненіи высшей и средней администраціи. Было какое-то безлюдье. Послѣ революціи вопросъ этотъ стоитъ и встанетъ съ небывалой остротой и отъ разрѣшенія его зависитъ вопросъ благополучнаго существованія Державы Россійской. Намъ необходимъ слой населенія, не мягкотѣлый и не безвольный, не страдающій склонностью къ мечтаніямъ и способностью къ быстрымъ разочарованіямъ, но жесткій, твердый, національно-эгоистичный, съ сильнымъ вкусомъ къ власти. Онъ и явится носителемъ государственной идеи и сильной національной воли...

Въ настоящее время мы всѣ переживаемъ періодъ общаго пересмотра корней и основъ нашей идеологіи. Многие изъ того, что я здѣсь говорю, уже взвѣшено, исчислено и стало избитой истиной. Однако не все оно пріемлется и цѣлостно усваивается. Повидимому, логика безсильна въ дѣлахъ вѣры и только мораль и чувство побуждаютъ здѣсь къ тѣмъ или инымъ рѣшеніямъ. Эти чувства у насъ не должны быть преходящимъ порывомъ, но высокимъ напряженіемъ, которое будетъ крушить все на пути и отъ препонъ усиливаться. Такое напряжение передастся и въ нашу хозяйственно-культурную дѣятельность за границей, а потомъ и дома, когда подъ нами будетъ родная почва, открытая для широкой дѣятельности. Основой нашей жизни должна стать экономическая самостоятельность, подлинное широкое призваніе „народа“, народныхъ массъ и рядовыхъ людей, въ противоположность гораздо более трудному и рѣдкому (какъ упоминалось выше!) призванію къ идеологической и исторической

самодѣтельности. Наличіе экономической свободы, ос-
новы всѣхъ прочихъ свободъ, является необходимымъ
условіемъ для расцвѣта нашего народнаго хозяйства.
Гнетъ государственной хозяйственной опеки долженъ быть
устраненъ. Этимъ не отрицается право и обязанность
вмѣшательства, въ опредѣленныхъ случаяхъ, со стороны
государства въ хозяйственныя отношенія (охрана труда,
таможенный протекціонизмъ). Можно думать, что при
измѣненіи политическихъ условій (уходъ коммунистовъ и
вообще социалистовъ отъ власти), экономическое возрож-
деніе Россіи не заставитъ себя ждать. Надо правду ска-
зать, смертный грѣхъ борьбы съ матеріальной куль-
турой можно скорѣе всего приписать русской дореволю-
ціонной экономической и неэкономической литературѣ.
Въ ней односторонне прославлялся физическій трудъ,
„трудовой“ доходъ и т. п. Частная предприимчивость и
хозяйственное творчество опорачивались, какъ „эксплоа-
тація“, „кулачество“. Причина несочувствія хозяйствен-
ному творчеству крылась въ отвращеніи къ „капиталу“, а
безъ него современное даже „трудовое“ хозяйство не
мыслимо. „Капиталь“ былъ какимъ то ужаснымъ жупе-
ломъ, и представители его не могли рассчитывать не
только на почетное мѣсто въ обществѣ, но вообще не
встрѣчали сочувствія въ своихъ начинаніяхъ и были
окружены враждебной атмосферой. Такая постановка во-
проса ввѣдряла въ головы рабочихъ пессимизмъ и вѣч-
ное безпокойство, лишало ихъ радости во взглядѣ
на жизнь. Дѣйствительно, положеніе обрисовывалось для
рабочихъ ужаснымъ: быть всегда въ распоряженіи врага-
эксплоататора. Рабочіе утрачивали вѣру въ свои силы и
способности, были лишены идеала жизненнаго подъема
(не становится же самому „эксплоататоромъ“?), искали
спасенія въ стадности и физической силѣ стада. Подоб-
ное умонастроеніе задерживало и задерживаетъ успѣхи
матеріальной культуры и подрываетъ основы духовной
культуры, внося въ нее вмѣсто духа любви, товарищества

и довѣрія — духъ зависти, ненависти и постоянной злобности. Нужно надѣяться, что все произошедшее откроетъ и въ Россіи глаза на истинное значеніе личнаго хозяйственнаго творчества и частной инициативы, устранить взглядъ на всякое подлинно успѣшное хозяйствованіе, какъ на нѣкое „прегрѣшеніе“. — Сильный побудитель къ экономическому возстановленію заключается, между прочимъ, въ возможности сравненія прошлаго и настоящаго, — состоянія современнаго и довоеннаго. Эта возможность сравненія для насъ не исчезнетъ въ теченіе десятковъ лѣтъ. Новые города, новыя желѣзныя дороги, новыя фабрики и т. д. будутъ выстроены. Но „мы русскіе должны не выстраивать новые города на мѣстѣ прежнихъ, а совершить нѣчто гораздо болѣе трудное и великое: воссоздать разрушенную храмину народнаго духа, воскресить поверженный и поруганный образъ Родины-Матери, выношенный въ душахъ безчисленныхъ поколѣній благочестивыхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи“ (П. Б. Струве). Эта задача труднѣйшая. Великодержавная исторія Россіи уже вѣка не знала посягательствъ на русскія національныя цѣнности и особенности. Это обстоятельство плюсъ увлеченіе „западомъ“ ослабило національное сознаніе русской интеллигенціи въ ея массѣ, разложило ея душу, обезличило ея типъ. Массы народныя были безъ идейнаго національнаго и культурнаго руководства и остались сырымъ матеріаломъ. Длительное пребываніе у власти интернаціоналистовъ грозитъ поставить трудно одолимыя преграды къ воссозданію подорваннаго народнаго духа. Здѣсь каждый день пребыванія у власти социалистовъ усугубляетъ растлѣніе подрастающихъ поколѣній. Къ сожалѣнію, въ мірѣ духа мы не имѣемъ того побудителя, какой имѣемъ въ области матеріальной культуры, т. е. возможности сравнивать нынѣшнее и недавнее прошлое. Традицій творческаго здороваго націонализма въ нашемъ культурномъ слоѣ мало и онѣ слабы, связи этого слоя съ народными массами слабы, авторитетъ малъ. Единственно,

что насъ связываетъ съ народомъ и что народъ сохранилъ, — это Вѣра Православная. Мы думаемъ, что духа русскаго народа внѣ Вѣры Православной возсоздать нельзя. Россія безъ Православія не мыслима — и въ Немъ почерпнуть творческій духъ: ибо „сокроешь Лице Твое Господи, смущаются, возмешь отъ нихъ духъ — умирають и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь Духъ Свой — созидаютъ и обновляютъ лице земли. Да будетъ Господу слава во вѣки“.

Яковъ Садовскій

Ростоки у Праги.
1923 года 20 сентября.